

Е. И. Метоледи

Харьков

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЭПИГРАФОВ ИЗ РОМАНА «МЕЛЬМОТ СКИТАЛЕЦ» В РОМАНЕ В.К. КАНТОРА «КРЕПОСТЬ»

Стаття присвячена осмисленню функціонування епіграфів з роману Ч.Р. Метьюріна «Мельмот Скиталець» в контексті роману «Крепость» В.К. Кантора. Показано, що концептуальна і підтекстова функції епіграфів з англійського готичного роману одночасно служать засобом відкритого вираження письменником морально-філософських поглядів, звертаючись тим самим до глибинних проблем буття, а також органічно пов'язані з жанром роману, взаємодіючи з різними елементами поетики твору.

Ключові слова: епіграф, філософське начало, готичний роман, першохристиянство, антисемітизм.

Статья посвящена осмыслению функционирования эпитафий из романа Ч.Р. Метьюрина «Мельмот Скиталец» в романе «Крепость». Показано, что концептуальная и подтекстовая функции эпитафий из английского готического романа одновременно служат средством открытого выражения писателем нравственно-философских взглядов, обращаясь тем самым к глубинным проблемам бытия, а также органически связаны с жанром романа, взаимодействуя с разными элементами поэтики произведения.

Ключевые слова: эпитафия, философское начало, готический роман, первохристианство, антисемитизм.

Epigraphs and titles are considered to be strong positions in the text, firstly because of their isolation, and secondly, due to their communicative completeness. In the novel, "Fortress" (1996) written by V.K. Kantor, where the author describes the Soviet realities of the 80s, epigraphs play an important role in establishing a dialogue between different cultures and epochs. In this context, epigraphs from the novel by Charles Meturin "Melmoth the Wanderer" (1820) have polyfunctional meaning. Generally they open the chapters that reflect the life of one of the heroines, old Rosa Moiseevna, whose life is coming to the end but is full of recollections of the past events. Provided that, epigraphs from the gothic novel encompass deep, philosophical and symbolic meaning: only by reference to the true ideas of Christianity as an overnational religion it is possible to solve current problems in the society, which escalate during the transition period. The scope of the epigraphs' functioning expands thus linking not only with the ideas of unity, but with metaphysical ideas of immortality of the human soul. The study of the functioning of the epigraphs taken from "Melmoth the Wanderer" gives an opportunity to talk about the fact that epigraphs serve at the same time as means of direct expression of the writer's moral and philosophical views because they appeal to the deepest problems of existence, as well as link organically to the genre of the novel, interacting with different elements of the narration's poetics.

Keywords: epigraph, philosophical principle, early Christianity, antisemitism.

Эпиграф наряду с заглавием по праву считается сильной позицией текста, во-первых, в силу своей обособленности, во-вторых, благодаря своей коммуникативной завершенности. В романе В.К. Кантора «Крепость» (1996), описывающего советские реалии 80-х годов, эпиграф играет важную роль, устанавливая диалог между различными культурами и эпохами. В этом контексте весьма полифункционально звучат эпиграфы из романа Ч. Метьюрина «Мельмот Скиталец» (1820). Напомним, что роман «Мельмот Скиталец» стал наиболее значимым творческим достижением Ч.Р. Метьюрина. Исследователями он был признан произведением «сложным» (Р. Кили, М.П. Алексеев), «причудливым» (Н.А. Соловьева, Л. Баер-Беренбаум), «неординарным» (Д. Пунтер), выходящим «из ряда вон» (Н.Я Берковский). В России глубокое изучение наследия Ч.Р. Метьюрина началось несколько позже, чем за рубежом – в 1960–1970 г. Творчеству писателя посвящены исследования, где освещается роль «Мельмота Скитальца» в эволюции английского романа (Л.В. Сеницыной, Л.С. Макаровой), а также его особая роль в становлении готической традиции освещена в ряде статей М.П. Алексеева [3; 4].

«Мельмот Скиталец» оказал также большое влияние на европейских и русских писателей: А.С. Пушкин, прочитав роман, писал: «Гениальное произведение Метьюрина» [1, с. 37]. О. де Бальзак создал повесть «Прощенный Мельмот», Н.В. Гоголь воплотил мотивы романа Метьюрина в «Мертвых душах» и в «Портрете». Отзвуки романа также можно обнаружить у М.Ю. Лермонтова в «Демоне» и «Герое нашего времени». Воздействие романа Р.Ч. Метьюрина ощущается у Ф.М. Достоевского в «Бесах», «Братьях Карамазовых».

Вместе с тем можно говорить, что отголоски творчества Ч.Р. Метьюрина слышны и в романе В.К. Кантора «Крепость». Девятая глава «Варварство или цивилизация» открывается цитатой, являющейся эпиграфом: «По возвращении домой, в родную страну, Испанию, – если только о еврее вообще можно сказать, что у него есть родная страна, – я сел в это кресло, зажег лампу, при свете ее взял в руки перо, которым пишут писцы, и поклялся, что лампа эта не погаснет и своды подземелья не останутся без жильца до тех пор, пока история моей жизни не будет записана в книгу» [11, с. 348]. В этой главе рассказывается история жизни Розы Моисеевны. Повествуя о прошлом героини, В.К. Кантор всегда использует эпиграфы из «Мельмота Скитальца», в частности, из эпизода о пребывании Алонсо Монсады у старика Адонии. Основанием для этого, как мы полагаем, является ряд аллюзий, свидетельствующий о сходстве между персонажами.

В описании жизни Розы Моисеевны, ее прошлого и настоящего разные поколения, современная и предшествующая ей культура предстают в форме воспоминаний и рассказов. Для воссоздания обширного пространственно-временного пласта В.К. Кантор, как и Ч. Метьюрин, обращается к разному виду дискурсов (письмо, дневник, мемуары, рукопись; устный рассказ, сон). Так, на столе у Розы Моисеевны лежат стопки бумаг, на первой странице

одной из них – надпись, свидетельствующая о ее работе над мемуарами [11, с. 103], на другой – конверт с письмом от Матрены Антиповны, медицинские выписки, письмо Брежневу, поздравительные открытки от кафедры КПСС сельскохозяйственного института, письмо от Николая Каюрского и первые страницы мемуарных набросков. При знакомстве со стариком Адонией читатель узнает о главных событиях его жизни также из воспоминаний и рукописи, которую тот собирал всю жизнь. Подобный способ изображения «масштабности жизни» избрал и Ч.Р. Метьюрин. Об этом свидетельствует обширный пространственно-временной охват, разнообразие социально-бытовых сфер действия, многообразие людских характеров и судеб, многогранность отношений между персонажами, принадлежащих к разным социальным кругам, народам, конфессиям, странам и эпохам. Как отмечает А.В. Варушкина, «масштабность изображения окружающей действительности в “Мельмоте” достигается обращением его автора к преимущественно экстенсивному принципу изображения картины жизни – множество примеров, масса ситуаций, коллизий, разнообразие вариантов людских характеров и судеб, оттенков чувств и эмоций, аспектов взаимоотношений» [9, с. 53]. Посредством «экстенсивности» изображения мира Розы Моисеевны ее воспоминания перемещают читателя в разные этапы ее жизни, «огромной – по земным понятиям: и во времени, все же девяносто лет прожила, и в пространстве: Юзовка, Одесса, Петербург, Харьков, Брюссель, Лозанна, Париж, Буэнос-Айрес, Монтевидео, Москва, Мадрид, Валенсия, опять Москва... Она говорила на трех языках, знала сотни, даже тысячи людей» [9, с. 419]. Вместе с тем во фрагментах, представляющих собой воспоминания Розы Моисеевны, создается иной мир, идиллический и умиротворенный: по манере изложения и по своему стилю эти своеобразные мемуары представляют собой резкий контраст главам романа, изображающим современную ей жизнь. Так, затворническому пребыванию в комнате противопоставляется воспоминание о пребывании семьи в Аргентине, организация коммунистической партии, подпольная деятельность и встреча с Исааком Востриковым.

Нам представляется, что путем раздвижения пространственно-временных границ действия автору удалось запечатлеть многообразие эпох (конец XIX – конец XX веков), поколений, народов, культур, верований, представленных в их несхожести. Советской ментальности противопоставляется импульсивность, инициативность испанцев; национальные черты аргентинцев, которые писатель усматривает в «горячем нраве», приветливости, контрастируют с холодностью и нетерпимостью российского общества начала XX века. Данное отношение находит свое отражение в воспоминаниях Розы Моисеевны о вынужденном бегстве ее семьи: «Отец был высокий, богатырского сложения, с широкой грудью, огромными руками – и при этом очень свободолюбив. Он был как ветхозаветный Моисей, хотел увести семью из рабства царизма. Аргентина казалась ему Землей Обетованной <...> Да, ветхозаветный Моисей увел

еврейский народ через пустыню из египетского плена, а ее отец свою семью из царской России. Так отразилась в одном человеке вся история, вся тенденция и направленность еврейского племени» [9, с. 113].

В романе Ч.Р. Метьюрина проблема гонения евреев раскрыта в описании последствий реализации Альгамбрского эдикта (1492) и неизбежного суда Инквизиции: «Мало того, здесь вокруг тебя и свитки пергамента, и карты, исписанные точно человеческой кровью, но даже если это и было бы так, то может ли целая тысяча их наполнить человека таким ужасом, как одна только страница истории тюрьмы, что действительно написана кровью – и не из застывших жил мертвеца, а из разорвавшихся там в муке живых сердец» [13, с. 345]. П. Рейфман подчеркивает: «В романе с осуждением рассказывается о преследованиях инквизицией евреев, вынужденных тайно исповедовать свою веру. Ревекка, Соломон, гуманный еврейский мудрец Адония, который дает Монсада переписывать историю Иммали, изображены в романе с явной симпатией» [12, с. 56]. По мнению М.П. Алексеева, называя Адонией (Adoniah) человека, приютившего у себя в подземелье Монсаду, бежавшего из тюрьмы инквизиции, автор «Мельмота» не случайно дал ему это имя: «Метьюрин, по-видимому, знал, что сведение всего материала “Масоры”, целой системе критических и стилистических пояснений в текстах Библии, отмечавшихся на листах рукописей, принадлежит ученому-гебраисту Иакову бен Хаиму Ибн-Адонии, который сличил огромное количество манускриптов и результаты своих трудов привел в изданиях Библии, вышедших в свет в 1524 и 1525 гг. в Венеции» [6, с. 657]. Дж. де Вито, в свою очередь, утверждал, что образ Адонии приобретает характеристики пророка, а его манускрипт в полной мере можно считать Священным Писанием [15], проповедующим идею единого Бога.

Подтекстовая функция эпитафия придает проблеме взаимоотношения евреев и иных национальностей ту метафизическую глубину, которая была злободневна как в Средние века, эпоху царской России, так и во времена становления социалистического общества. Создавая образ Розы Моисеевны и проводя параллель с героем романа Ч. Метьюрина Адонией, В.К. Кантор имплицитно апеллирует к идеям ветхозаветных пророков и первохристианства, которые выдвигали на первый план идею единения всех народов. В этом контексте и реализуется выдвинутая позже В.К. Кантором теория о том, что причиной антисемитизма является принятие христианства государственной религией, а, следовательно, и отделение ее от источника идеи о едином Боге. Писатель утверждал, что русский народ является «избранным не для соперничества с другими народами и не для господства и первенства над ними, а для свободного служения всем народам и для осуществления, в братском союзе с ними, истинного всечеловечества или вселенской церкви» [8, с. 378].

Шестнадцатая глава, «Упадок сил», начинается двойным эпитафием. Первый представляет цитату из «Мельмота Скитальца»: «В последние годы жизни, продленной сверх всякой меры, а остался без детей, без жены, без

друга» [9, с. 112]. Обращаясь к образу старца Адонии, В.К. Кантор вновь проводит параллель с Розой Моисеевной. Обоим героям даровано долголетие, которое обременяет их: «Она хочет умереть. И чем скорее, тем лучше <...> Теперь пришла пора умирать, а она не умирает» [9, с. 112], говорит повествователь о Розе Моисеевне. В «Мельмонте Скитальце», рассказывая Алонсо о его предназначении, Адония упоминает: «На то, чтобы все это собрать и переписать, ушла почти половина жизни, которая была продлена за пределы, положенные для смертных. Когда возложенная на меня задача будет исполнена, – продолжал старик, – тогда я отойду к праотцам...» [11, с. 347].

Мы полагаем, долголетие Розы Моисеевны определяет ее роль творца истории, обязанного стать пассивным наблюдателем, чтобы проанализировать и осознать свои идеалы и стремления. Адония же своим долголетием и страшной участью обязан своему стремлению проникнуть в тайны мироздания. Следует отметить, что такая же участь постигла и Мельмота, однако можно согласиться с Т.Р. Тичеларом, утверждавшим, что Адонии сам налагает на себя данное «наказание», воспринимая его скорее как долг. «Долг – создание книги, которая предупредит мир о Мельмоте и разрушит его силы» [16, с. 56]. Таким образом, Адония выступает двойником Мельмота, связывая свое существование с существованием Скитальца и тем самым отображая связь и взаимозависимость добра и зла. Это соотношение играло немаловажную роль и в морально-этических принципах Розы Моисеевны, верившей в то, что благодаря своему труду и просветительской работе ее жизнь становится «нужной и настоящей».

Концептуальная функция первого эпитафия достаточно возвышенна, однако, вводя второй эпитаф из «Дон Кихота» (1605) М. де Сервантеса, В.К. Кантор подчеркивает иллюзорность представлений Розы Моисеевны о принципиальных понятиях, определяющих значимость ее существования: «С течением времени мир все более и более полнимся злом и вот... учредили наконец орден странствующих рыцарей, в обязанности коего входит защищать девушек, опекать вдов, помогать сирым и неимущим» [9, с. 255]. Эпитаф продолжает заданный первым мотив соотношения добра и зла в обществе, однако актуализирует путь его реализации.

Д.С. Мережковский писал: «Дон Кихот является общечеловеческим образом, выражающим вечные свойства человеческого духа» [10, с. 98]. На протяжении веков рецепция этого героя была различна: одни видели в нем лишь пародию на рыцарскую доблесть, другие разглядели его трагикомизм. Однако частотность использования образа Дон Кихота в художественных произведениях чрезвычайно высока на протяжении столетий. С.Г. Бочаров утверждал: «Спор Дон Кихота с современностью – “спор о реальности идеальных героев”, далеко ушедший за рамки рыцарского романа: спор о реальности идеала. Дон Кихот расходится с современностью в понимании того, как соотносится идея и вещь, слово и предмет, субъект и объект, сознание и бытие, абсолютное и относительное, сущность и явление, роман и

действительность. Безумие Дон Кихота – в несовместимости структуры его образа мира со структурой мира вокруг него» [4, с. 37].

Сознание Розы Моисеевны, ориентированное на романтически-утопические идеалы, столкнулось с реальностью, которая стала следствием социальных изменений и не пришла в абсолютное согласие с изначальными идеями коммунизма. Решительное неприятие объективных явлений, порожденных мощным общественным катаклизмом – утрата установленных идеалов («Как ты груба! А я хочу, чтоб ты жила с идеалом в душе, идеалом коммунизма!» [9, с. 256]), десакрализация общественных авторитетов («Петя рассказывает анекдоты про Генерального секретаря капеэсэс, на него кто-то дурно влияет, плохая компания в школе. И эта дура Лина его поощряет, смеется вместе с ним. Какой позор!» [9, с. 241]), и потеря прежних этических ценностей («В наше время мы не только любили, мы боролись, боролись за свободу трудового народа» [9, с. 256]) делают Розу Моисеевну натурой, которая не может мириться с жизненными условиями и протестует против них, будучи воодушевленной идеальным и далеким от реальности представлением о жизни, достойной человека, о его высоком призвании: «Человек создан для счастья, как птица для полета. Ты должна это знать. Революционеры умирали за счастье своих детей. И внуков. Им не нужно было личного счастья» [9, с. 256].

Образ Розы Моисеевны сходен с образом Дон Кихота в его романтическом прочтении. Их сближает общность призвания – служить людям, присущее обоим обостренное чувство социальной справедливости и неспособность видеть последствий их представлений. Н. Арсентьева считает Дон Кихота носителем утопического сознания, и, видимо, утопические представления Розы Моисеевны об идеальном мироустройстве следует соотносить с классическим образом. Вера в социальную утопию делает ее собственную жизнь одухотворенной и наполненной, но, претворенная в общественной жизни она, как известно, искалечила жизнь нескольких поколений русских людей. Н.Н. Снеткова отмечала, что «“Дон Кихот” несет на себе печать великой эпохи в истории человечества – эпохи Возрождения – как ее дерзновенных идей и неслыханных надежд, так и разочарований, которые пришлось испытать тем, кто верил в эти идеи и находился во власти этих надежд» [13, с. 78]. М.М. Бахтин говорил об обусловленности появления архетипных образов в литературе: «Та или иная возможная или фактически наличная творческая точка зрения становится убедительно нужной и необходимой лишь в соотнесении с другими творческими точками зрения: лишь там, где на их границах рождается существенная нужда в ней, в ее творческом своеобразии, находит она свое прочное обоснование и оправдание» [3, с. 215]. Этим и объясняется подтекстовая функция эпиграфа, отражающаяся в стремлении автора раскрыть важные для него грани образа Розы Моисеевны, являющейся представителем идейного эшелона большевистской элиты. В.К. Кантор в полной мере показывает, как ее восприятие мира, ориентированное на четкое разграничение понятий добра и

зла и основанное на утопических идеях социализма, вступает в конфликт с действительностью.

Глава двадцать третья («После смерти») сопровождается эпитафией из «Мельмота Скитальца»: «Взгляни, возле тебя существа, у которых уже нет языка, повествуют о себе красноречивее всех живых. Взгляни, их немые и неподвижные руки протянуты к тебе так, как никогда еще не протягивались руки из плоти и крови. Взгляни, вот те, что безгласны и, однако, живы, те, что пребывают в бездне вечности, и, однако, все еще окружают тебя сейчас и призывают к тебе, как могут призывать только люди. Услышь их» [11, с. 348]. Эпитафия вводит в главу, повествующую о смерти Розы Моисеевны и о последующем состоянии ее души и тела. В романе смерть человека представлена как неизбежный атрибут человеческого бытия. Однако для повествователя человеческая душа, пробыв какое-то время в теле, обретает свободу от телесной оболочки. «Вдруг она поняла, что видит себя со стороны, точнее, сверху. Никто ее не слышал. Она и сама себя не слышала, только знала, что вскрикнула. Но она даже обрадовалась этому беззвучию, потому что впервые в жизни испытывала чувство абсолютной свободы. Свободы и легкости. К этому чувству надо было привыкнуть. Да и к виду своего мертвого тела тоже. Вот это и случилось. Свобода, легкость и радость» [9, с. 410].

Как известно, в советские времена, которые и описываются в романе, тема бессмертия души и существование ее после смерти рассматривалась как элемент ошибочного религиозного понимания человеческого бытия. Однако в «Крепости» только после смерти душевному сознанию открывается, что «надо различать в человеке три стороны: тело, душу (жизнь которой примыкает к жизни тела) и духовное начало, которое связывает человека с вечностью. Душевная жизнь, хотя и зависит от тела (через восприятие света, цвета, звуков и через другие ощущения), но связана и с духовным началом. Душа стоит как бы между чисто телесной и чисто духовной жизнью» [9, с. 415]. Концептуальная функция эпитафии представляет собой обращение к христианским традициям трактовки человеческого бытия. Не случайно автор использует цитату старца Адонии, «пророка» (Т.Р. Тичерлар), ведущего вечную борьбу с искусителем Мельмотом. Смерть в соответствии с христианскими представлениями мыслится как разделение духа и тела: «...дух, после отрыва от тела, отдается в удел загробному состоянию во всей его ущербности, тело же предается тлению, сохраняя, однако, в себе жизненную силу для воскресения, и в связи с ним бессмертия» [10, с. 161]. Это представление ведет свое начало от ап. Павла. Распад тела не есть гибель телесности человека, не есть развоплощение, – так определяет духовный парадокс христианства В.В.Зеньковский, – «бессмертие телесно-душевного состава человека – вот глубочайшая метафизическая идея христианства, одинаково важная и для понимания человека, и для понимания смерти. Не все в телесной оболочке человека, очевидно, погибает со смертью» [7, с. 79].

Таким образом, эпитафия из романа Ч.Р. Метьюрина заключает в себе глубокий, философско-символический смысл: только путем обращения к

истинным идеям христианства как к религии наднациональной возможно разрешить назревшие проблемы в обществе, обостряющиеся в переходных эпохах. Сфера действия эпиграфов расширяется, связывая его не только с идеями единения, но и с метафизическими идеями бессмертия человеческой души. Исследование особенностей функционирования эпиграфов из «Мельмота Скитальца» дает возможность говорить о том, что эпиграфы одновременно служат средством открытого выражения писателем нравственно-философских взглядов и органически связаны с жанром, взаимодействуя с разными элементами поэтики произведения.

Библиографические ссылки

1. Алексеев М. П. Метьюрин и русская литература / М. П. Алексеев // От романтизма к реализму. – Л.: Наука, 1977. – С. 3–55
2. Алексеев М. П. Примечания / М.П. Алексеев // Ч. Р. Метьюрин. Мельмот Скиталец. – М.: Наука. – 1983. – С. 641-700.
3. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М.: Искусство, 1979. – 423 с.
4. Бочаров С.Г. О художественных мирах. Сервантес, Пушкин, Баратынский, Гоголь, Достоевский, Толстой, Платонов / С. Г. Бочаров. – М.: Сов. Россия, 1985. – 296 с.
5. Варушкина А. В. Образы иных наций и их культур в романе Ч.Р. Метьюрина «Мельмот Скиталец» / А. В. Варушкина // Всемирная литература в контексте культуры. сборник статей и материалов XVI Пуришевских чтений. – М., 2004. – С. 53–54
6. Виноградов И. И. «Главнейшая из наук». О нравственных исканиях Л. Толстого // Литературная учеба. – 1990. – №5. – С. 157–168.
7. Зеньковский В. В. Единство личности и проблема перевоплощения // Человек. – 1993. – №4. – С. 76–89.
8. Кантор В. К. «Судить Божью тварь». Пророческий пафос Достоевского: очерки / В. К. Кантор. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. – 422 с.
9. Кантор В. К. Крепость. Роман / В. К. Кантор – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 496 с.
10. Мережковский Д. С. Сервантес. Вечные спутники / Д. С. Мережковский – М.: Республика, 1995. – 622 с.
11. Метьюрин Ч. Р. Мельмот Скиталец / Ч. Р. Метьюрин. – М.: Наука, 1983. – 700 с.
12. Рейфман П. Кто такой Мельмот? / П. Рейфман // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. IV. – Город, 2001. – С. 55–56
13. Снеткова Н. П. «Дон Кихот» Сервантеса / Н. П. Снеткова – Л.: Худ. лит, 1970. – 143 с.
14. Шовина Е. Н. Проблема смерти и бессмертия в философском наследии Ф.М. Достоевского / Е. Н. Шовина // Вестник МСТУ. – 2006. – №1. – Т. 9. – С. 134–141.
15. DeVito J. Utterance and the Unutterable: Narrative Conditions in Melmoth the Wanderer / J. DeVito. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.iloveliterature.com/melmoth_essay.html
16. Tichelaar T.R. The Gothic Wanderer: From Transgression to Redemption / T.R. Tichelaar. – Loving Healing Press, 2012. – 289 p.

Надійшла до редколегії 2 березня 2014 р.